

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)

HISTORICAL POLICY IN THE POST-SOVIET STATES (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)

Д.В. Лебедь

D. Lebedz

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, *lebedz@bsu.by*
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, *lebedz@bsu.by*

Рассматриваются вопросы построения исторической памяти на постсоветском пространстве на примере Республики Узбекистан. Анализируются основные этапы этого процесса – действия властей в отношении самоидентификации населения Узбекистана.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; постсоветское общество; нация; идеология; идентичность.

The issues of constructing historical memory in the post-Soviet states are considered using the example of the Republic of Uzbekistan. The main stages of this process are analyzed – government action towards self-identification of the population of Uzbekistan.

Keywords: historical policy; memory policy; post-Soviet society; nation; ideology; identity.

После распада СССР в центральноазиатских республиках стала формироваться актуальная для постсоветского общества историческая политика. Ее повестка была связана с процессом укрепления идей национальной независимости. В республиках региона с самого начала был выбран вариант политики памяти, направленный на забывание советского, что позволяло суверенным государствам дистанцироваться от России и советского наследия. Один из вариантов символического абстрагирования от наследия Российской империи и СССР продемонстрировала национальная идеология суверенного Узбекистана.

Так, после распада СССР правительство Узбекистана взяло курс на суверенизацию общественно-политической жизни. В республике строится узбекское национальное государство, базирующееся на идее ядра узбекского этноса, его истории, культуры и языка, другими словами, на ценностях «узбекчилик» (узбекскость). Согласно государственной идеологии, консолидация нации в постсоветском Узбекистане происходит на основе принятия всеми этническими группами ценностей «узбекчилик» [4]. Так, в статье 19 Конституции Республики Узбекистан

подчеркивается равенство всех граждан вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности: «В Республике Узбекистан все граждане имеют одинаковые права и свободы, равны перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, религии, убеждений, социального происхождения, общественного положения» [5].

Модель нации-государства, взятая на вооружение правительством первого президента Ислама Каримова, борьба с религиозным экстремизмом в 1990-е гг., не позволили политизировать ислам, он оказался в сфере бытовой культуры и в какой-то степени на том же положении, что и в СССР.

Для легитимации идей независимости, которые легли в основу национальной идеологии первого президента И.А. Каримова, стала формироваться коллективная идентичность и целенаправленная политика памяти. Одним из неоспоримых элементов национальной идеологии Узбекистана считается официальная жесткая критика имперской политики в регионе, а также отдельных мероприятий советского руководства (к примеру, критика репрессивной политики СССР воплотилась в основание памятного Дня, так с 2001 года ежегодно 31 августа в Узбекистане отмечается День памяти жертв репрессий, установленный по инициативе первого Президента Республики Ислама Каримова). Также в 2001 году по инициативе главы государства был создан один из первых в СНГ музеев памяти жертв репрессий в мемориальном комплексе «Шохидлар хотираси» («Памяти жертв репрессий») в Ташкенте. Основной задачей его является увековечение памяти пострадавших, проведение духовно-просветительских мероприятий, направленных на увековечение и поминание жертв репрессий, и пропаганда патриотизма, проявленного в деяниях предков.

По мнению российского антрополога С.Н. Абашина, Узбекистан в период нахождения у власти первого президента И.А. Каримова в этом вопросе занимал самую последовательную позицию среди республик региона, которая выражалась в десоветизации, десимволизации городского пространства, а именно переименовании улиц и площадей, из публичной жизни вытеснялись советские праздники, советское кино, литература, музыка и др. [1].

В рамках построения национального независимого государства, в Узбекистане был сделан упор на создание «многоуровневой» единой политической идентичности, в целом следует сказать, что подходы в данном вопросе напоминали национальный проект советского правительства 1930 - 1950-х годов, но во многом модернизированный. В республике были увековечены, наряду с крупными историческими государственными деятелями (Тамерлан, Бабур, Джаллал-ад-Дин и др.), и

религиозные мыслители (Имам ал-Бухари, Тирмизи, Баурханутдин Маргинани и др.). Считается, что памятники последним символизируют союз власти, лояльных к ней представителей региональных элит, интеллигенции и религиозных деятелей.

Таким образом, постсоветский период Узбекской историографии характеризуется тем, что объектом споров становится не только сама национальная идентичность, но и ее истоки. Объединив проблемы этничности и национальной идентичности, большинство исследователей писали об «изначальном» существовании узбекской нации. Негативным фактором, затормозившим естественное (подразумевалось «национальное») развитие народов Средней Азии, был объявлен колониализм [2].

Был определен основной «исторический» враг и виновник существующих проблем – «коммунистическая идеология», которая своей бездуховностью, фанатизмом и антинациональной направленностью внесла собственный вклад в создание предпосылок для религиозного фундаментализма и традиционализма на постсоветском пространстве» [3].

Подводя итог, необходимо отметить, что после распада СССР на сегодняшний день центрально-азиатские республики по-прежнему преодолевают наследие советской эпохи. Так, в Узбекистане удалось провести символическую черту между советским периодом и эпохой Мустанкилик (Независимость), дать оценку наиболее одиозным страницам советского периода (например, репрессии 1930-х гг.). Политика памяти является важным элементом формирования национальной идеологии. При этом следует отметить, что по-прежнему (в особенности в городах) существует многоголосая социальная память, память «снизу», свидетельствующая о том, что у старожилов присутствует альтернативный взгляд на недавнее прошлое, которое не всегда совпадает с официальной трактовкой советской истории. Прочность построенной в Узбекистане национальной системы, этой разнородной конструкции, всецело зависит от внутриполитических и социально-экономических процессов в Узбекистане и Средней Азии в целом. В случае серьезных осложнений этническая и религиозная компоненты могут превратиться в инструмент политической борьбы с официальными властями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абашинов С.Н. Узбекистан после СССР [Электронный ресурс] // Звезда. 2015. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/8/uzbekistan-posle-sssr.html> (дата обращения: 24.10.2023).
2. Алимджанов Б.А., Андреев А.А., Даудов А.Х., Шорохов В.А., Янченко Д.Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 146–161.
3. Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистон, 1997.

4. Цыряпкина Ю. Н. Эпоха социализма в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана [Электронный ресурс] / Ю. Н. Цыряпкина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epoha-sotsializma-v-istoricheskoy-pamyati-naseleniya-postsovetskogo-uzbekistana> (дата обращения: 24.10.2023).

5. Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 24.10.2023).

ОБРАЗ ОГНЯ В РАБОТАХ БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ 40-X – 80-X гг. XX в.

THE IMAGE OF FIRE IN THE WORKS OF BELARUSIAN ARTISTS IN THE 1940^S – 1980^S

Е.И. Наймушина

E.I. Naimushyna

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, Naimushyna@bsu.by
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, Naimushyna@bsu.by

Статья посвящена экспликации образа огня как одной из центральных категорий темы войны в изобразительном искусстве Беларуси второй половины XX в. Его семантика демонстрирует двойственную сущность, одновременность созидания и разрушения. Огонь символизирует как страх, боль, смерть, так и олицетворяет собой радость, тепло, жизнь. В работах целой плеяды выдающихся белорусских художников образ огня неразрывно связан с памятью о войне. Он является напоминанием о мужестве и героизме белорусов, недопустимости кровопролития и войн.

Ключевые слова: образ огня; белорусская культура; война; огонь; Великая Отечественная война.

The article is devoted to the explication of the image of fire as one of the central categories of the war theme in the visual art of Belarus in the second half of the twentieth century. Its semantics demonstrates its dual essence, the simultaneity of creation and destruction. Fire symbolizes both fear, pain, and death and embodies joy, warmth, and life. In the works of a whole pleiad of outstanding Belarusian artists, the image of fire is inextricably linked with the memory of the war. It is a reminder of the courage and heroism of Belarusians, inadmissibility of bloodshed and wars.

Keywords: image of fire; Belarusian culture; war; fire; Great Patriotic War.

Первые десятилетия после Великой Отечественной войны в работах белорусских художников – это время духовного подъема, победителей и национального подвига. Свидетельством этого является полотно О.В. Луцевича «Не забудем, не простим!», написанное в 1944 г. На картине изображен военный с гранатой в одной руке и ружьем в другой, на заднем плане полыхает огонь, который придает картине, выполненной в серых тонах, эмоции и динамику. Другим примером является работа